

Василий Брусянин

На поле жизни

Опустошённые души

Василий Брусянин

На поле жизни

«Public Domain»

1915

Брусянин В. В.

На поле жизни / В. В. Брусянин — «Public Domain»,
1915 — (Опустошённые души)

«Сегодня Анна Александровна весь день в каком-то повышенном настроении. С раннего утра, как только она развернула газету и прочла сообщение о начале войны, нервы её натянулись, и сердце в тревоге забилося. Она быстро прочла все телеграммы, допила чай и, поспешно одевшись, отправилась на работу в одиннадцатую палату. В длинном полутёмном коридоре нижнего этажа, где размещались квартиры служащих при больнице, она повстречалась с фельдшерицей Гривиной и, издали заметив её тонкую фигуру с перетянутой талией, крикнула:— Аглая Степановна! Война!.. Читали?..»

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Василий Брусянин

На поле жизни

I

Сегодня Анна Александровна весь день в каком-то повышенном настроении.

С раннего утра, как только она развернула газету и прочла сообщение о начале войны, нервы её натянулись, и сердце в тревоге забилося. Она быстро прочла все телеграммы, допила чай и, поспешно одевшись, отправилась на работу в одиннадцатую палату.

В длинном полутёмном коридоре нижнего этажа, где размещались квартиры служащих при больнице, она повстречалась с фельдшерицей Гривиной и, издали заметив её тонкую фигуру с перетянутой талией, крикнула:

– Аглая Степановна! Война!.. Читали?..

– Ах, да, да... Читала, – приостановившись отвечала та. – Предсказания Тихона Фёдоровича не сбылись... Опять поднимается эта ужасная резня!..

Гривина пожала тонкую холодную руку Анны Александровны, и они обе пошли наверх.

– Да, предсказания Тихона Фёдоровича не сбылись, – говорила Анна Александровна, поднимаясь рядом с Гривиной по лестнице. – Он, ведь, такой, право, оптимист, верит в совершенство человеческого рода...

– А вы как будто рады случившемуся? – спросила её Гривина.

– Из чего же это вы заключаете? – резко перебила фельдшерицу Анна Александровна.

– Вы такая возбуждённая!..

– Позвольте! Но, ведь, война! Разве мне нужно представить, что это также... Ведь это ужас! Сплошной ужас!

Она немного помолчала, пока они поднялись на площадку до двери, ведущей в коридор второго этажа, и тихо добавила:

– Меня лично радует только одно обстоятельство: теперь я могу исполнить своё желание, я поеду сестрой милосердия на войну...

– Голубчик! С вашим-то здоровьем? – невольно воскликнула Гривина, покосившись на узкие плечи Анны Александровны и на тонко очерченный профиль её худощавого лица.

– Что ж такое! Я ничем особенно не страдаю! Слабость моя обуславливается особыми обстоятельствами! – вспылила Анна Александровна, и щёки её покрылись румянцем.

– Впрочем, я не собираюсь отговаривать вас... Это – доброе дело, с Богом!..

Гривина быстро проговорила свою фразу и скрылась за дверью, ведущую в ванную комнату.

В коридоре Анну Александровну встретил фельдшер Илья Ильич, человек лет 50, в тёмно-синих очках и с лысиной на голове.

– Война, Анна Александровна, война! – издали проговорил он, протягивая девушке руку. – Ваше желание исполнится, спешите выставить кандидатуру...

Он ещё раз пожал руку Анны Александровны и тихим голосом добавил:

– Эх, если бы мне с плеч долой лет 10–15, не отстал бы я от вас, вспомнил бы старину... Ведь я в Русско-турецкую войну был в санитарном отряде... Поезжайте, Анна Александровна! Главное, только спешите записаться, а то желающих будет много...

У себя в одиннадцатой палате Анна Александровна нашла всё в порядке. Больные женщины сидели на своих койках и пили чай, им прислуживала сиделка. Здесь также говорили о войне. Сиделка передавала больным то, что удалось ей услышать в коридорах, в ванной ком-

нате и в больничной аптеке, где юный фармацевт и старик провизор уже вели спор об исходе предстоящей кампании.

Анна Александровна поздоровалась с больными и начала обход. Она молчала, прислушивалась к тому, что продолжала рассказывать сиделка, а думы её неслись далеко-далеко. Мысленно она представляла себе громадность расстояния, отделявшего её от тех неведомых берегов восточного океана, где началась война, и она задавалась вопросом: «Что делается там в эту минуту?» Она старалась разгадать эту тайну и не могла, – мысли путались и обрывались. Она старалась разобраться в своих ощущениях, старалась понять себя, уловить логический путь своих отрывочных дум, но и этого не могла сделать.

– Значит, и из России солдат погонят, Анна Александровна? – прервала её мысли своим вопросом сиделка.

– Не знаю, Клавдия... может быть... вероятно... А вы почему спрашиваете?..

– Муж у меня служил в солдатах... должно, и его погонят?..

Среди больных женщин также шёл оживлённый разговор о войне, и в этом шумном говоре чувствовался какой-то бурный поток всколыхнувшихся чувств, опасений, надежд...

Через час в палате появился доктор Тихон Фёдорович, седенький старичок в золотых очках. Он молча поздоровался с фельдшерицей и каким-то деревянным голосом спросил:

– Ну, что у вас тут всё благополучно?

– Да, всё идёт прекрасно! Вот только у неё маленькая лихорадка! – отвечала Анна Александровна, кивая головою на рослую блондинку.

– Ага... Ну, это пустяки! Вчера она после ванны вздумала прогуливаться по коридору, вот её немного и пообдуло... Я ещё зайду к вам, мне надо побывать в 5 палате. Скверно там с одной больной. Аглая Степановна совсем измучилась...

Доктор дошёл до двери и хотел было переступить через порог, но потом приостановился и громко произнёс:

– Слышали, Анна Александровна, война!..

– Да, да...

– Вы, значит, от нас улетите?..

– Не знаю, право, хотелось бы, – отвечала девушка.

– А я желал бы, чтобы вы остались здесь, – серьёзным тоном произнёс доктор. – Вы и здесь, на месте, работаете много, и пользы от вас масса!.. Масса!.. И всё-таки здесь поспокойнее. Куда вы поедете со своими нервами!?. А вы не сердитесь на меня, Анна Александровна, – заметив новое выражение на лице девушки, продолжал он. – Ведь я в отцы гожусь вам и говорю это от глубокого к вам расположения!..

Они вышли в коридор.

– Я решила, Тихон Фёдорович, я давно обдумывала это, – нервным голосом говорила фельдшерица. – При слове война со мною делается что-то ужасное: нервы натягиваются, мозг до болезненности напрягается, и меня тянет, тянет туда, где все эти ужасы, чтобы видеть их, чтобы участвовать в них...

Она немного помолчала и, переменяя тон, продолжала:

– С детских лет это страшное слово волнует мою душу! Вы подумайте только, Тихон Фёдорович, ведь мой отец был убит под Плевной. Я была тогда маленькой и, конечно, ничего не понимала, но потом, когда моя мать рассказала мне всё, я в её глазах прочла весь ужас того, чем она тогда жила... Смерть отца свела её в могилу, и когда она умирала, – она упоминала его имя вместо Бога...

В её голосе послышались слёзы, смутившие доктора неожиданностью своего появления.

– Ну, да... Что же... Поезжайте... Ведь я не отговариваю вас... Я хотел только сказать, что вы и здесь полезны, необходимы – вас так любят все ваши больные!.. Ваши больные женщины, ведь, тоже раненые, но только не с поля брани, а с поля жизни... Там, на войне, всё

это в большом масштабе – летят бомбы, сыплется картечь, свистят пули, и всё кровь, кровь!.. А здесь у нас, в мирной жизни, так сказать, на поле жизни, все ужасы совершаются тихо, часто даже и без потери крови, а как подумаешь... Ну, да, впрочем, этой стороны жизни нам с вами никакими рассуждениями не сделать лучше...

Они дошли почти до половины коридора и остановились.

– Всё это так, Тихон Фёдорович, так и я думаю! Но только, – начала было Анна Александровна и смолкла. – Я измучаюсь, исстрадаюсь, если останусь здесь! – вдруг выкрикнула она. – Сегодня я весь день места себе не могу найти и не могу придумать, что со мною будет, если мне не удастся попасть на войну... Поверьте, что мне хочется быть полезной именно там, там!.. Точно я должна искупить чьи-то грехи своей работой на пользу солдат.

– Да, конечно, я понимаю вас! Не будем больше говорить на эту тему, – перебил поток её горячих слов доктор. – Желаю вам всего хорошего.

Несмотря на Анну Александровну, он крепко пожал её руку и отошёл нетвёрдой походкой к двери в пятую палату. Опустив на грудь голову, она шла вдоль коридора и старалась разобраться в своих мыслях. «Разве же я не знаю, что здесь, в жизни, много разных ужасов, – думала она, – подчас я не только не вижу их, но, быть может, даже способствую их проявлению, даже создаю их... И так многие, почти все... Все эти ужасы жизни перенеслись туда, на войну, обогрились кровью и омылись слезами... Здесь мы их не видим, а там они – сама смерть, почему так и страшно!»

II

Одиннадцатая палата помещалась в обширной угловой комнате в пять светлых окон. Три окна выходили на улицу, и стёкла их до половины были замазаны белой краской, в остальные два окна виднелся больничный сад, где росли высокие берёзы, сосны и ели.

В одиннадцатой палате помещались женщины. Их было восемь, и все они, несмотря на свою болезнь, целыми днями болтали, громко смеялись, рассказывая друг другу глупые, но весёлые анекдоты или эпизоды из своей разнообразной жизни там, за стенами больницы.

Иногда они шумной толпой расхаживали коридору, и больные других палат дивились весёлому хохоту и громкому говору. Иногда они настраивались слишком уже на весёлый лад и хором затягивали какую-нибудь песню, но петь в больнице строго воспрещалось, и скоро нестройный хор молодых голосов смолкал.

Инициатором всего весёлого, шумного и удалого являлась, обыкновенно, двадцатипятилетняя блондинка, девушка с толстой косой льняных волос и с голубыми глазами, которые переставали улыбаться только тогда, когда смыкались веками со стрелчатými ресницами. Звали весёлую блондинку «Надькой Новгородской», хотя на тёмной доске над её койкой было начертано белым по чёрному: «Новгородская мещанка Анна Фёдоровна Крутинина». Она охотно отзывалась на свою «уличную» кличку и когда случайно прочитывала меловую надпись на тёмной доске, ей не шутя казалось, что с нею вместе под жидким одеялом помещается другой человек. Анна Крутинина поступила в больницу три месяца тому назад, и с её появлением обитатели угловой комнаты начали новую весёлую и разнообразную жизнь.

Соседкой Крутининой по койке была маленькая тоненькая брюнетка, с острым птичьим лицом и с маленькими мышиными глазками на рябоватом лице. В больнице она появилась также с уличной кличкой «Машка Маленькая», но все в палате её знали просто Машей.

«Машка Маленькая» и «Надька Новгородская» были большие приятельницы и когда-то жили даже у одной хозяйки. Обе они были уличные проститутки, целые дни валялись в постелях, а по ночам слонялись по Невскому, пили за счёт мужчин кофе в шумных кофейнях, курили Пажеские папиросы за 6 коп., затягивались в корсеты и носили шёлковые юбки и большие шляпы с ярко-пунцовыми и голубыми цветами.

Третью больную из «уличных» все в палате почему-то звали «Худышкой». Низкого роста, худощавая и сутуловатая женщина с дряблым лицом и красноватым носом забыла своё настоящее имя, уличную кличку и всегда охотно отзывалась на своё новое больничное имя. Целый уже год она не имела здорового голоса и как-то странно, тихо хрипела; при этом её светлогриазные выпуклые глаза напрягались, и лицо краснело, как будто ей трудно было даже и хрипеть. Она много говорила, часто бранилась, и, когда другие громко смеялись, лицо её улыбалось, а в углах губ появлялась какая-то скорбная усмешка.

«Худышка» попала в больницу прямо с улицы. Её подняли с панели в бессознательном состоянии и привезли в участок. Она не была пьяна, и, когда очнулась, из её показаний выяснились подробности её жизни двух предшествующих дней. Она две ночи провела под открытым небом, где-то на окраине города, два дня не ела и, наконец, обессилев, свалилась на панели. С какой-то нескрываемой, но необидной снисходительностью относились все больные женщины к «Худышке», а когда она рассказывала эпизоды своей жизни в загородных притонах и в ночлежках – все слушали её без комментариев, без улыбки и без печали.

Три следующие койки, стоявшие во втором ряду, занимали три проститутки из домов терпимости.

Одну из них, напоминавшую цветом волос и фигурой Надьку Новгородскую, звали Маней. Ей было лет 30. Она была высокая, стройная, с полной грудью и с широким одутлова-

тым лицом. Говорила Маня тихо, вкрадчивым голосом, заразительней и громче других хохотала и лучше всех пела преимущественно цыганские романсы.

Она была питомицей людного в столице и шикарного дома терпимости, почему и пользовалась среди больных особенным почтением. На тёмной доске над её койкой значилось: «Дворянка Нина Георгиевна Столбовская». Она относилась к своим товаркам просто, но в её манерах, в её жестах и в голосе и в какой-то особенной игре тёмно-голубых красивых глаз просматривало нечто незаурядное, чем не могли похвастаться её товарки по участи. С доктором и с фельдшерией Маня говорила иногда о таких предметах, до которых другим больным не было никакого дела, при чём в разговоре она любила щегольнуть французскими фразами.

Ближайшей соседкой Мани была Серафима Гундобина, девушка лет 23, тёмная шатенка с вьющимися волосами и тёмно-голубыми глазами. Её небольшое лицо, с правильными чертами, всегда почти выражало простодушие, иногда запечатлевалось детски-наивным выражением и только в приливы раздражения ещё больше вытягивалось и краснело, а на лбу кровью наливались красные жилы. Говорила она тихим певучим голосом, звонко смеялась и хмурила брови, если кто-нибудь при ней говорил непристойности или неприлично бранился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.